

ДВА РЕНЕССАНСА

(90-ые — 900-ые и 920-ые годы)

В настоящее время существует несколько систем размышлений о русской революции, толкующих и раскрывающих ее причины и сущность. Качество их весьма различно: от маниакальных жидо-масонских подозрений, через формальные политические и экономические выкладки — до подлинного историко-софского понимания. Однако, во всех случаях один факт остается нераз'ясненным — революционный срыв 1917-18 гг., которому суждено было определить новый цикл в истории всей русской культуры, произошел в эпоху начавшегося ренессанса. Можно, конечно, сводить на нет культурный под'ем 90 — 900 гг. (Вл. Соловьев, С. Н. Трубецкой, Лопатин, Лосский, З. Гиппиус, Розанов, Блок, Белый, Ремизов, Флоренский, Карпинский, Тареев, Несмелов, Зарин, Ал. Бенуа, «Мир искусства», «Символизм», «нео-славянофильство», Стравинский, Кастальский ...) и проводить линию русского государственного распада от 1 марта через этапы русско-японской войны, первой революции — непосредственно к военным неудачам 1915-16 гг. и самоуничижению самодержавия. Но это значило бы «по иностранному» подходить к сложнейшей сущности русской жизни.

Нельзя также основываться и на расчлененном анализе отдельных сторон и элементов дореволюционного прошлого. Если в некоторых и, может быть, даже многих случаях такой метод и показал бы действительную отсталость и неблагополучие в среде русского хозяйства, политики и даже культуры, *то общее, непосредственное*, ощущение ренессансного под'ема 90-900 гг. этим все равно не опровергнуть.

Пусть этот ренессанс основывался на ложных устоях и представлениях, он тем не менее *наличествовал*. Важно установить, что историческая мутация, которая привела к рождению нового исторического вида России и в корне изменила ее государственные перспективы и внутреннюю расценку ряда явлений, произошла в неожиданный срок, многих застала врасплох и резко прервав какой то, хотя бы в формальном отношении положительный культурный про-

цесс, начисто уничтожила складывавшуюся было государственно-общественную традицию ближайшего прошлого.

Трудно сказать, есть ли возможность вообще установить некий исторический закон русского развития, согласно которому кризисы и катастрофы неизменно совпадают в нем с начальными сроками ренессансных процессов, срывая их эволюционную планомерность, размыкая непосредственную преемственность и тем самым двигая жизнь поступательными толчками и жестокими переборами. Во всяком случае события 90-900 гг. подобную закономерность могли бы подтвердить.

II

Если рассматривать с точки зрения внутренне-социальной динамики состояние передовой русской интеллигенции 80-900 гг., по сравнению с началом и серединой второй половины 19 в., то поразительным оказывается то действительное бессилие, тот упадок поступательной воли и какая то *неблагополучная оседлость*, которыми определялся весь ее жизненный уклад в предреволюционную пору. И это вопреки Гос. Думе, земствам, земско-городским объединениям, военно-промышленным комитетам, кооперативам и пр. Социальная встревоженность, транс обличительства и фанатическая подвижность (а в некоторых случаях и подвижничество) русской интеллигенции 40-80 гг. сменились формально деловым политическим оппозиционерством, расчетливой тактикой—у одних, и комфортабельным отсутствием интереса к социальным проблемам—у других. Можно ужасаться идеологической слепоте и душному провинциализму русского народолюбчества, но нельзя не признавать его действительной одержимости и выносливости. Декабрьский мятеж (гвардейский) всколыхнул лишь поверхность русской жизни, но он все же был широко охватывающим историческим движением, а не простым политическим выпадом и демонстрацией. Начиная с 40-х гг. волнение начало проникать все глубже и слежавшаяся толща русского быта стала быстро поддаваться разрежению и расслоению. Все различинно-армейское (но все же дворянское) народническое движение второй половины 19 в. унаследовало от декабристов их общественную взволнованность и способность легко и беззаветно сниматься с корней. «Хожение в народ», при всем безвкусице и идейном убожестве, было со своей точки зрения праведным и страстным *бегством* в (на) святую землю, стихийным влечением к предмету своего же-обожения. Люди, ужаленные всем виденным и надуманным, снимались с мест, становились «бегуна-

ми», иступленно рьяными и сухопарыми. Это было страшное, преступное порою, но все же жизненное дело живых людей. Конечно, и народовольцы были во многом обывателями, с спутанными и запаздывавшими мыслями, но подвижность, риск и иступленное притяжение к идее и «мечте» делали их, по сравнению с оседлой общественностью, все же пионерами и даже героями.

Интеллигентская Россия 40-80 гг. была воспаленной и бродячей, и правительство верно ощущало и понимало всю опасность этой зыбкой подпочвы и всячески старалось способствовать (жестко и неумело) оседанию взболтавшихся частиц едкой эмульсии тогдашней общественности. И это намерение в значительной степени реакции удалось, но вместе с осуществленным пришло еще худшее зло...

К 80-90 гг. революционное бродяжничество как широкое движение было подавлено. Мелкая и средняя интеллигенция, подорванная реакцией, оседает и начинает пускать корни, но не в землю, а в гущу чеховской обывательщины и начинает предаваться в жутком цепенении безконечным разговорам о прогрессе, «изыщной» жизни и о том, что будет через тысячу лет. Армейские заговорщики 70-80 гг. становятся героями «Поединка». Воля к социальному действию в значительной мере подточена, зато лихорадочно и путано начинает работать голова...

Кроме прямой и неумело суровой правительственной реакции был еще один фактор, который подточил силы интеллигенции и запутал ее мирозерцание — это противоречивое сочетание в 60-80 гг. поздней славянофильской проповеди с зарождением русской псевдокапиталистической буржуазии европейского образца. Кажется непонятной чудовищная революционная травля, преследовавшая Александра II. Между тем она изобличала то внутреннее неблагополучие, ту роковую культурно-идеологическую путаницу, в которой очутилась Россия после 61 г. Революционеры-террористы той поры, конечно, неправы, но симптоматичны. Они в слепой конвульсии, своими безумными делами свидетельствовали об уродстве и злокачественности совершавшихся в самой сердцевине русской жизни процессов, приводивших к противузаконному сочетанию и сращению тогдашнего русского империализма (прусского образца) с правительственным сентиментальным славянофильством, неистового разлагающего «внутри» народника-Достоевского — с либерально-западнической просвещенной сановностью Лорис-Меликова и позже православно-самодержавного ледяного деспотизма Победоносцева с индустриальным кон-

десснонизмом и грюндерской горячкой 90 г. (Губонин, Поляков, Утин...)

Из темных десятилетий конца прошлого века передовые ряды русской интеллигенции вышли по двум основным путям. Одна часть пошла в сторону романтического идеализма и тотчас же обессилела в соловьевском зпигонстве. Этот интеллигентский стан, быстро заволоченный декадентскими и символястическими туманами, оставаясь политически прогрессивным и даже революционным, потерял всякое представление о реальной действительности. Другая часть интеллигенции стабилизировалась на интересах легальной и полуполуполитической общественности различных оттенков. Это привело к Гос. Думе, к октябристам, кадетам, националистам и т. и.

Нет ничего более внутренне не русского, всесторонне ошибочного и стилистически фальшивого, чем все Думы Таврического Дворца, которые привели к логическому концу — к разгону Учредительного Собрания. Сколько было бурных заседаний, конфликтов, уличений, разоблачений и крылатых слов и как мало действительной жизни. Как будто бы в прошлом и не бывало социальной воодушевленности декабристов и народников. Вместо работы по созданию большого движения, широкого действия (а в этом только и нуждалась Россия) — наивное позерство на деловой, «благополучный» парламентаризм Европы (да и парламентаризма-то не было); и, конечно, прав был Розанов, когда в 18 г., вспоминая поездку русских «парламентариев» в Лондон, яростно писал, что Дума «продала народность, продала веру»... «нашей паве хочется везде показаться...» Прав потому, что с упоением подделываться к формам европейской политической благопристойности и в то же время терять ощущение и память подлинных русских социальных движений, а вместе с этим и чувство реальности — означало действительную деградацию руководящих интеллигентских кругов. Столыпин, октябристы, кадеты... были тактиками (хорошими ли?), а не идеологами-двигателями. Они по разному отстраняли революционные кулаки, позволяя за своей спиной рушиться самодержавию, прикрывая временную возможность для одной части интеллигенции интересоваться Штейнером, Далькрозом и издавать «Золотое Руно», «Аполлон», «Старые Годы»... а другой капитализироваться (строительство зданий под банки в 900 г. породило даже особый архитектурный стиль). Но между идеологией и реальностью была пропасть. «Башня» Вяч. Иванова и земский начальник, проводящий столыпинскую аграрную реформу — это абракадабра. Последней попыткой перейти от политики к движе-

нию была мрачная затея «Союза русского народа», но о ней лучше не говорить. А последним народным героем — до Ленина — не были ли о. Иоанн Кронштадтский?... Не Гапон-же?

Между тем после кустарной и провинциальной идеологии русских народников, блестящая, «всеразрешающая» и в Европе сформулированная система марксизма оказывалась соблазнительной. Не спасли от этого соблазна никакие символизмы и неославянофильства, так как не имели чутья к социальному делу. Но проводниками марксизма стали уже не прежние идейные интеллигенты, не прежние бегуны и ошалевшие кликуши, а революционеры-спецы, для которых революция стала предприятием, рассчитанным и размеренным. Те люди, что в свое время «ходили» и «бегали» в народ, отяжелели и осели. Новая интеллигенция частью облагодирствовалась в кадетской и октябристской партиях, частью эстетствовала, частью же сошла на нет, подготавливая «соглашательство» 18-го г. и инородческое засилье. Причины этого паралича нужно искать в правительственной реакции конца 19 в.. Подрезав в корне народническую энергию интеллигенции, оно само и вызвало то инородческое засилье, которое в нашу пору так всех удивляет. И это понятно. В инородческой среде накопилось много затаенной злобы и ненависти, но вместе с тем, в прошлом, русское еврейство не знало общественных поражений, которые испытала русская интеллигенция. Во весь бунтарский 19 в., который так дорого обошелся русской интеллигенции, оно вовсе не выходило на сцену и тем сохраняло свои революционные силы.

Будучи выпущенной из рук упадочным самодержавием и осевшей, или потерявшей инициативу социального дела интеллигенцией*), — русская стихия оказалась схваченной марксистами-профессионалами.

III

Русский культурный ренессанс конца 19-го века, захвативший все последующие десятилетия, определился прежде всего исцелением интеллигенции от нигилистического бредурия 60-80 гг. Однако, выходя из этого круга мыслей и веры, наиболее *современные* тогдашние поколения одновременно переставали чувствовать всю остроту и центральность русской социальной проблемы и теряли сознание русско-

*) Историческая и слабосильная жестикюляция с-р'ов в пред-большевицкую пору революции — с трагической очевидностью раскрыла всю упадочную несостоятельность позднего народничества.

го политического неблагополучия. Дело в том, что шестидесятнический нигилизм был скорее практикой, чем теорией. Быть в свое время нигилистом значило лихорадочно интересоваться принципиально общественной стороной жизни. Вся «социология» тех годов была окрашена и отравлена нигилистической эмоциональностью. Поэтому, приходя в себя от шалого дурмана, интеллигенция соответственно охладевала и к реально прикладным социальным вопросам. После «эпохи великих реформ» некоторая часть русского дворянства сочла свою освободительную миссию законченной. Социально-этическая проблема, которая в свое время так волновала декабристов и народников, перестала ощущаться живой болью, способной перевернуть всю биографию человека и превратилась в предмет формально политического интереса. Толстой был последним фанатиком — проповедником, завершителем цикла русского общественно — революционного дилетантизма. Не будучи по существу социологичным, и сводясь к «свободному» учительскому морализму, «толстовство» не породило социального движения и не смогло конкурировать, в смысле влияния, ни с реакционным «здравомыслием», ни с системной революцией. В результате — Ленин победил Толстого...

Большевицкая революция в корне изменила не одну лишь социально-политическую структуру бывшей России. Прервав общественно-идейный канон 900-х гг., она устанавливает обстановку для выработки нового культурного типа и для развития нового культурного темперамента.

Вне связи с отвращением к коммунистической власти нельзя не признать, что за последние годы в России до максимума напряглось чувство социально — практической стихии. Именно эта стихия и обезвреживает ядовитость коммунистической доктрины, превращая «философский» материалистический монизм Ленина в стихийный практицизм народной массы. Русская революция в народном понимании не атеистична и не социалистична, а стихийно *практична*. Раскрылся огромный плацдарм, на котором по новому сталкиваются, наступают и отступают такие социальные силы, которые давно не участвовали в реальной жизни русской государственности. Большевики сдвинули: с своих мест тысячи оседлых людей. Наново развивается социальная подвижность, специфически русское *континентное кочевничество* и страсть к социальному делу. Из рук революционеров-спецов это дело постепенно отнимается. По сравнению с оживающей многосложностью жизни — бессильно элементарное доктринерство коммунизма. Революционно социалистический плановый распорядок жизни,

пытающийся (как когда то самодержавие) стабилизировать миллионные массы, срывается и пьтится перед растущей молекулярной подвижностью народной среды. Следовало бы задуматься и над самой компартией: не является ли ее наличный состав, в какой то части, лишь впервые государствовоподобно организованной массой прежних «бегунов», воскресших и нашедшихся в общем сдвиге и смятении революции. Подвижность и зыбкость русской социальной массы достигают в настоящее время тех размеров, при которых в ней начинает развиваться характерная психология и общая настроенность прошлого кочевья. Сталиваясь с пафосом советского организационизма и несомненно заражаясь им, эта психология и настроенность могут определить собой в будущем совершенно исключительное по силе и внутренней значительности духовно-социальное движение. Ибо в структуре русского типа и в закономерностях русской истории есть таинственная связь между началами *мистики* и *практики*, между движениями социальными и религиозно-духовными, между кочевьем и организованностью. Все наиболее яркие и внутренне устойчивые религиозные движения имели всегда социально практическую обращенность и сдвигаясь, и срываясь со своих мест и корней русская масса всегда получала удивительную способность к организации и выносливости (старообрядчество, мистическое сектанство).

Болезненную оседлость и небрежение к реально-практической стихии жизни интеллигенция 90-900-х гг. искупила своим полным уничтожением. В каких то новых большевицких людях тяга к социальному делу и жизненной подвижности проснулась с необычайной силой, и конечно только на этих началах и будет основываться — и уже основывается — новый русский ренессанс 920-х годов.

П. П. Сувчинский